

Борис МИРОНОВ

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1989.1.04>

ДИНАМИКА ГРАМОТНОСТИ В ПРИБАЛТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 18—19 ВВ.: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ

Данные о развитии массовой грамотности имеют исключительно важное значение: они содержат информацию об изменении культурного облика населения в широком, социологическом смысле слова «культурный». Прежде всего уровень грамотности отражает доминирующую форму передачи культурного наследства от одного поколения к другому. Известно два главных способа передачи человеческого опыта: 1) прямая передача одним человеком другому посредством устного слова и демонстрации, 2) косвенная передача с помощью записи информации различными техническими средствами (печатное слово, ноты, звукозапись и др.), среди которых до последнего времени главная роль принадлежала печатному слову. Первый способ основывается исключительно на памяти и поэтому существенно суживает возможности передачи культурного наследства и его совершенствования как в количественном, так и в качественном отношениях. В особенности это касается технологии и науки. В результате большое число изобретений и открытий, сделанных в прошлом, погибло вместе со своими создателями, а многие открытия делались многократно. Только те из открытий, которые находили признание и применение при жизни их творцов, переживали их время. Естественно, что в подобных обстоятельствах передача и критическая оценка культурного наследства ограничены, прогресс во всех сферах человеческой деятельности затруднен, люди стремятся не столько к преумножению и совершенствованию опыта, сколько к его сохранению. Из массовой неграмотности до некоторой степени проистекал традиционализм докапиталистических обществ, для которого характерны упор на старину, прославление прошлого, подозрительное отношение к нововведениям. Напротив, в обществах, где ведущая роль в передаче информации стала принадлежать печатному слову и другим техническим средствам, происходила интенсивная аккумуляция опыта, наблюдался устойчивый прогресс науки, технологии, всей культуры вообще. Можно без всякой натяжки сказать, что грамотность населения — важнейшее условие для перехода общества от преимущественно устной к преимущественно письменной форме передачи культурного наследства со всеми вытекающими из этого факта последствиями, а уровень грамотности — показатель распространения письменной культуры и письменной формы ее передачи от одного поколения к другому.

Уровень грамотности населения имеет и второй социологический аспект, который состоит в том, что сам процесс усвоения грамоты и приобретения в ходе обучения способности читать, понимать прочитанное, думать над текстом, а также писать во многом изменяет человека. У грамотных людей в массе своей шире кругозор и в большей степени, чем у неграмотных, разумеется при прочих равных условиях, развито абстрактное мышление и воображение, что является важнейшей предпосылкой для многих видов человеческой деятельности, в том числе для изобретательства всякого рода: технического, социального и т. п. Например, грамотные и неграмотные работники существенно различаются по своим возможностям успешно трудиться: при прочих равных условиях

у первых выше производительность труда, более выражено стремление к нововведениям. Творческий подход к жизненным проблемам значительно чаще встречается у грамотных, чем у неграмотных, так как грамотный более склонен к изменению стереотипов.

Сказанным в достаточной степени объясняется значительно возросший в последнее время интерес ученых к развитию массовой грамотности во всех странах.

Развитие грамотности в Прибалтике, особенно в Эстонии, изучалось историками, однако до сих пор полная картина ее изменения в течение 18—начала 20 вв. отсутствует. Этот историографический факт справедливо отметила Л. Э. Аарма — автор новейшего крупного исследования по истории грамотности в Эстонии¹. Чтобы восполнить имеющиеся пробелы, она подвергла сплошной обработке формулярные списки рекрутов из Эстляндии за 1811—1874 гг. и впервые выявила изменение грамотности мужского податного населения в возрасте 20—35 лет, подлежащих рекрутской повинности, с конца 18 в. до 1860-х годов не только в целом по губернии, но и по уездам, отдельным городам и приходам. Однако, ввиду особенностей формулярного списка рекрутов как источника, автору не удалось показать, как изменялась грамотность всего мужского населения, а также грамотность женщин. Кроме того, грамотность рекрутов была ниже, в первой трети 19 в. существенно ниже, чем грамотность всего мужского населения, поскольку от рекрутской повинности освобождались дворяне, учителя, дворохозяева и их наследники, духовенство, разночинцы — наиболее образованная часть населения.

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать грамотность населения в Эстляндской, а также в Лифляндской и Курляндской губерниях за 1797—1897 гг., основываясь на данных Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. с помощью метода передвижки когорт. Этот метод разработан демографами для прогноза численности населения. В последние годы он стал использоваться в исторической демографии² и при изучении развития грамотности³. Применяемая в данной статье методика представляет собой вариант когортного анализа, она специально приспособлена для ретросказания грамотности по данным переписи 1897 г. Этот вариант уже использовался нами для реконструкции грамотности в России в 1797—1917 гг.⁴, что освобождает нас от необходимости его подробной характеристики и обоснования целесообразности применения. Проиллюстрируем работу метода на конкретном примере (см. табл. 1).

В табл. 1 в столбце за 1897 г. приведены данные из переписи. Столбцы за последующие годы заполнены на основе столбца за 1897 г., исходя из трех предположений: 1) вымирание грамотных и неграмотных происходит примерно в равной степени, другими словами, смертность грамотных и неграмотных почти одинакова, 2) грамотность приобретает, как правило, до 20 лет, 3) некоторое увеличение численности грамотных после 20-летнего возраста компенсируется утратой грамотности теми, кто приобрел ее до 20 лет. Например, столбец за 1887 г. заполняется следующим образом: 10—19-летняя возрастная группа в 1887 г. имела тот же уровень грамотности, что и 20—29-летняя в 1897 г.; 20—29-летняя возрастная группа в 1887 г. имела тот же уровень грамотности, что и 30—39-летняя в 1897 г., и т. д. до 80—89-летней возрастной

¹ Аарма Л. Э. Грамотность населения в Эстляндской губернии с конца XVIII века до 60-х годов XIX века. Автореф. канд. дис. Таллин, 1982, 2.

² Wrigley, E. A., Schofield, R. S. The Population history of England, 1541—1871. A Reconstruction. Cambridge—Mass., 1981, 7—8, 183—184, 715—738.

³ Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии. М., 1971.

⁴ Миронов Б. Н. Грамотность в России 1797—1917 годов. Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования. — История СССР, 1985, № 4, 137—154.

Грамотность женщин по возрастным группам в Эстляндской губернии
в 1817—1897 гг. по данным переписи 1897 г., %*

Возрастная группа	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817
10—19	97	98	97	96	94	91	88	83	81
20—29	98	97	96	94	91	88	83	81	
30—39	97	96	94	91	88	83	81		
40—49	96	94	91	88	83	81			
50—59	94	91	88	83	81				
60—69	91	88	83	81					
70—79	88	83	81						
80—89	83	81							
90—99	81								

* За 1897 г. подсчитано по данным: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года, I. СПб., 1905, 60—62. При проведении переписи грамотными считались все, кто умел хотя бы читать.

группы. Столбец за 1877 г. заполнялся аналогичным способом: 10—19-летняя возрастная группа имела тот же уровень грамотности, что и 20—29-летняя возрастная группа в 1887 г. или 30—39-летняя возрастная группа в 1897 г., и т. д. до 70—79-летней возрастной группы. Пользуясь подобной методикой ретросказания, заполним табл. 1 до 1817 г.

Ввиду того, что первичные сведения о возрастной грамотности по Эстляндской губернии ограничивались 99 годами, постепенно у нас образуется недостаток данных: за 1887 г. о грамотности 90—99-летней возрастной группы, за 1877 г. о грамотности той же, а также 80—89-летней возрастной группы; за 1867 г. о грамотности двух предыдущих и 70—79-летней возрастных групп и т. д. Для точности подсчета среднего по губернии процента грамотных пробелы сначала малочувствительны. Но с 1857 г. и далее из-за пробелов в данных о грамотности старших возрастных групп средняя грамотность завышается, так как нам не достает сведений за 1857 г. о 13,5% населения, за 1847 г. — о 24,2%, за 1837 г. — о 38%, за 1827 г. — о 56,2% и за 1817 г. — о 76,7% населения. Поэтому для более точного прогноза грамотности на отдаленные от переписи годы экстраполируем недостающие данные по уравнению регрессии следующим образом. Распределению грамотных по возрастным группам за 1897 г. соответствует динамика грамотности 10—19-летней когорты за 1817—1897 гг.:

возраст в 1897 г.	10	20	30	40	50	60	70	80	90
	—19	—29	—39	—49	—59	—69	—79	—89	—99
% грамотных	97	98	97	96	94	91	88	83	81
год	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817
% грамотных в возрасте 10—19 лет	97	98	97	96	94	91	88	83	81

Закономерность роста грамотности эстляндских женщин, заключенная в динамическом ряду, хорошо аппроксимируется уравнением прямой

$$y = -316,873 + 0,22x,$$

где y — процент грамотных, x — год. С помощью уравнения можно экстраполировать недостающие данные и заполнить пробелы в табл. 1 в основных возрастных группах 10—69 лет вплоть до 1777 г. включи-

Грамотность населения в Эстляндской губернии в 1777—1897 гг., %

Возрастная группа	1777	1787	1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Женщины, уравнение регрессии: $y = -316,873 + 0,22x$													
10—19	74	76	78	80	81	83	88	91	94	96	97	98	97
20—29	72	74	76	78	80	81	83	88	91	94	96	97	98
30—39	70	72	74	76	78	80	81	83	88	91	94	96	97
40—49	68	70	72	74	76	78	80	81	83	88	91	94	96
50—59	65	68	70	72	74	76	78	80	81	83	88	91	94
60—69	62	65	68	70	72	74	76	78	80	81	83	88	91
Средн.	70	72	74	76	77	79	82	85	87	90	92	95	96
Мужчины, уравнение регрессии: $y = -468 + 0,3x$													
10—19	65	68	71	74	75	77	84	87	93	96	98	94	98
20—29	62	65	68	71	74	75	77	84	87	93	96	98	94
30—39	59	62	65	68	71	74	75	77	84	87	93	96	98
40—49	56	59	62	65	68	71	74	75	77	84	87	93	96
50—59	53	56	59	62	65	68	71	74	75	77	84	87	93
60—69	50	53	56	59	62	65	68	71	74	75	77	84	87
Средн.	60	62	66	68	70	73	76	80	84	88	91	93	95

Таблица 3

Грамотность населения в Лифляндской губернии в 1777—1897 гг., %

Возрастная группа	1777	1787	1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Женщины, уравнение регрессии: $y = -750,839 + 0,45x$													
10—19	48	53	57	62	64	78	83	85	88	91	93	95	95
20—29	44	48	53	57	62	64	78	83	85	88	91	93	95
30—39	39	44	48	53	57	62	64	78	83	85	88	91	93
40—49	35	39	44	48	53	57	62	64	78	83	85	88	91
50—59	30	35	39	44	48	53	57	62	64	78	83	85	88
60—69	27	30	35	39	44	48	53	57	62	64	78	83	85
Средн.	40	44	48	52	56	63	69	74	79	83	87	89	92
Мужчины, уравнение регрессии: $y = -677,559 + 0,41x$													
10—19	51	55	59	63	66	78	83	85	89	92	95	93	95
20—29	46	51	55	59	63	66	78	83	85	89	92	95	93
30—39	42	46	51	55	59	63	66	78	83	85	89	92	95
40—49	38	42	46	51	55	59	63	66	78	83	85	89	92
50—59	34	38	42	46	51	55	59	63	66	78	83	85	89
60—69	30	34	38	42	46	51	55	59	63	66	78	83	85
Средн.	44	48	52	56	59	64	70	75	80	84	88	90	92

тельно. Например, грамотность 10—19-летних в 1807 г. составит 80% [$-316,873 + 0,22 \cdot 1807$], в 1797 г. — 78% и т. д.

Аналогичным образом по данным переписи 1897 г. были найдены уравнения регрессии и составлены таблицы возрастной грамотности для мужчин Эстляндской губернии и для мужского и женского населения Лифляндской и Курляндской губерний (см. табл. 2—4). Среднюю грамотность населения в трех губерниях подсчитаем, пользуясь единой возрастной структурой населения 1897 г., так как только таким путем можно получить вполне сопоставимые данные, которые к тому же не будут сколько-нибудь существенно отличаться от действительных, поскольку в возрастной структуре за 19 в. не произошло радикальных пере-

Грамотность населения в Курляндской губернии в 1777—1897 гг., %

Возрастная группа	1777	1787	1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Женщины, уравнение регрессии: $y = -1112,5 + 0,6394x$													
10—19	24	36	37	39	57	68	74	85	88	91	91	87	89
20—29	17	24	36	37	39	57	68	74	85	88	91	91	87
30—39	11	17	24	36	37	39	57	68	74	85	88	91	91
40—49	—	11	17	24	36	37	39	57	68	74	85	88	91
50—59	—	—	11	17	24	36	37	39	57	68	74	85	88
60—69	—	—	—	11	17	24	36	37	39	57	68	74	85
Средн.	—	25	29	32	40	47	56	64	71	78	81	84	87
Мужчины, уравнение регрессии: $y = -1060,4 + 0,6115x$													
10—19	26	32	38	37	42	57	69	77	85	88	91	87	88
20—29	20	26	32	38	37	42	57	69	77	85	88	91	87
30—39	14	20	26	32	38	37	42	57	69	77	85	88	91
40—49	—	14	20	26	32	38	37	42	57	69	77	85	88
50—59	—	—	14	20	26	32	38	37	42	57	69	77	85
60—69	—	—	—	14	20	26	32	38	37	42	57	69	77
Средн.	—	24	28	31	34	42	49	57	66	73	80	83	86

Таблица 5

Динамика грамотности населения обоего пола старше 9 лет в прибалтийских губерниях и Европейской России в 1777—1897 гг., %

	1777	1787	1797	1807	1817	1827	1837	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Эстляндия	65	67	70	72	73	76	79	83	86	89	92	94	95
Лифляндия	42	46	50	54	57	63	69	74	79	83	87	89	92
Курляндия	—	23	27	30	33	41	48	56	65	72	79	82	85
Европейская Россия	min	—	3	4	5	7	9	12	15	18	22	22	30
	max	—	7	8	9	11	13	15	17	19	22	26	

Суммируя результаты ретросказания, получаем следующую картину (табл. 5).

Проверим точность полученных результатов. Согласно переписи 1881 г., грамотность населения обоего пола в возрасте старше 14 лет составляла в Эстляндской губернии 95%, в Лифляндской — 93%⁵, что близко к данным реконструкции. По подсчетам Л. Андресена, использовавшего данные конфирмации, в 1775—1786 гг. грамотность взрослого населения Эстонии составляла около 70%⁶, ретросказание дает 65—67%. По аналогичным подсчетам А. Я. Салминь, в Лифляндии грамотность взрослого населения в 1775 г. составляла около 46%, подростков 14—16 лет в 1790—1800 гг. — 53—61%, взрослых в Курляндии в конце 18 в. — 30%⁷. Ретросказание дает близкие цифры — 42, 55—60 и 27% соот-

⁵ Jordan, P. Ergebnisse der ehstländischen Volkszählung. Revel, 1884, III, 111—113; Jung—Stilling, Fr. von, Anders, W. Ergebnisse der livländischen Volkszählung. Riga, 1884, III, Tab. 20.

⁶ Андресен Л. Эстонские народные школы в XVII—XIX веках. Таллин, 1980, 89—90, 242, 248. По подсчету Х. Э. Палли, грамотность сельского населения в возрасте 10—64 лет прихода Отепя в 1765 г. составила 46%. См.: Pälli, H. Lugemisoskus Otepää kihelkonnas 1765. aastal. — Keel ja Kirjandus, 1984, N 10, 605.

⁷ Салминь А. Я. О грамотности крестьян Лифляндской и Курляндской губерний в XVIII в. — История СССР, 1969, № 6, 136—140.

Изменение грамотности населения в прибалтийских губерниях
по данным переписей 1881 и 1897 гг.

Возрастная группа		Грамотность, %				Изменение грамотности за 1881—1897 гг., %	
		мужчин		женщин			
XII 1881	I 1897	1881	1897	1881	1897	мужчин	женщин
Эстляндская губерния							
14—30	29—45	97	97	97	97	0	0
31—50	46—65	94	93	96	94	—1	—2
51—60	66—75	89	86	95	90	—3	—5
60+	75+	83	80	92	86	—3	—6
Лифляндская губерния							
14—30	29—45	97	94	97	93	—3	—4
31—50	46—65	91	90	92	88	—1	—4
51—60	66—75	87	84	90	84	—3	—6
60+	75+	80	81	84	81	+1	—3

ветственно. Некоторые расхождения вызваны, по-видимому, тем, что данные Л. Андресена и А. Я. Салминь относятся только к протестантскому населению, в то время как в губерниях проживали православные русские, значительно уступавшие по грамотности латышам и эстонцам. В Лифляндии православных насчитывалось до 18%, в Эстляндии и Курляндии — 4%⁸.

Грамотность взрослого населения в Лифляндии по церковным сведениям на 1800 г. оценивается в 67%, подростков 14—16 лет — в 53%. Однако в обществах с прогрессирующей грамотностью взрослое население никогда не бывает грамотнее подростков в возрасте 14—16 лет. Поэтому предполагаем, что данные оберконсistorии о грамотности взрослых либо не представительны, либо неточны. Ретросказание дает для взрослого населения другую цифру — 50—52% грамотных, которая, по нашему мнению, более соответствует действительности.

Интересно отметить, что реконструкция грамотности в Прибалтике дает удовлетворительные результаты и без учета рецидива безграмотности⁹. Это свидетельствует о том, что утрата грамотности, если и наблюдалась, была не столь значительной, как в других российских губерниях, благодаря лучшей постановке начального образования и широкому распространению образования среди эстонцев и латышей. Проверим это предположение путем сравнения данных переписи в Прибалтике, проведенной в декабре 1881 г., и Первой всеобщей переписи населения в России, проходившей в январе 1897 г., т. е. спустя 15 лет (см. табл. 6).

Согласно проведенному сравнению, утрата грамотности в Эстляндской губернии начиналась после 45 лет и нарастала вплоть до глубокой старости, причем у женщин в два раза интенсивнее, чем у мужчин. В Лифляндской же губернии рецидив безграмотности начинался раньше — после 30 лет, не имел определенной тенденции с возрастом; у женщин проходил быстрее; у мужчин после 75 лет грамотность возрастала.

⁸ Статистические таблицы Российской империи, вып. 2. СПб., 1863, 232.

⁹ Утрата грамотности, или рецидив безграмотности, — утрата человеком навыков чтения и письма с возрастом вследствие того, что приобретенная в детстве грамотность не стала функциональной, т. е. не использовалась постоянно в жизни. См. подробнее: Миронов Б. Н. Грамотность в России, 142—147.

Утрата грамотности в Эстляндии и Лифляндии превосходила таковую в других регионах страны. Все это мало похоже на правду.

Как показывает изучение процесса рецидива безграмотности в России второй половины 19 — начала 20 вв. (без Прибалтики), он начался у мужчин после 48, у женщин после 40 лет и постепенно нарастал по мере старения поколения. Женщины утрачивали грамотность в большей степени, чем мужчины. В тех районах, где уровень грамотности, а также общее экономическое и культурное развитие были ниже, население утрачивало грамотность быстрее¹⁰. Прибалтика, как известно, являлась самым развитым регионом России, поэтому рецидив безграмотности у населения Лифляндской и Эстляндской губерний не мог начинаться раньше и проходить интенсивнее, чем в прочих российских губерниях. Трудно также допустить, что в Лифляндской губернии у мужчин в возрасте 30—75 лет грамотность утрачивалась, а после 75 лет возрастала.

Две причины, по нашему мнению, могут объяснить отмеченные несообразности в изменении возрастной грамотности в Прибалтике между 1881 г. и 1897 г.: недостаточная точность учета грамотности в переписях и миграции населения. По-видимому, перепись 1881 г. несколько завысила грамотность в старших возрастах, ввиду того что, как полагают некоторые исследователи, многие пожилые люди во время опроса счетчиками скрыли свою неграмотность¹¹. Перепись же 1897 г., напротив, немного снизила грамотность в связи с тем, что некоторые лица, умеющие только читать, назвали себя неграмотными.

Миграции в 1881—1897 гг., вероятно, играли существенную роль в уменьшении грамотности населения в зрелых и старших возрастах. По переписи 1897 г., в Эстляндской губернии насчитывалось 9,7% уроженцев других губерний — главным образом Лифляндской, Петербургской, Могилевской, Псковской, где грамотность была ниже, чем в Эстляндии. Приток менее грамотных мигрантов — как правило, людей зрелого возраста — вызывал понижение среднего уровня грамотности в губернии. Сокращение доли немцев — самой грамотной части населения Эстляндии — с 5,8% в 1881 г. до 3,9% в 1897 г.¹² (по-видимому, в результате эмиграции) также способствовало уменьшению средней губернской грамотности.

Аналогичные процессы происходили в Лифляндии. В 1897 г. там насчитывалось 10,9% уроженцев других губерний — главным образом Курляндской, белорусско-литовских, Петербургской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Московской — с меньшей грамотностью. Вследствие миграционных и отчасти других демографических процессов в Лифляндии за 1881—1897 гг. увеличилась доля евреев и поляков, уступавших в отношении грамотности коренному населению губернии, и уменьшилась доля немцев — наиболее образованной части населения¹³. Все вместе привело к снижению грамотности людей в зрелых возрастах.

Все вышезложенное приводит нас к убеждению, что в Эстляндии и Лифляндии в течение 19 в. рецидив безграмотности практически отсутствовал или был весьма незначительным, вследствие того, что, во-первых, начальная школа, благодаря хорошей постановке образования, давала прочные знания, а грамотность для всех сословий являлась функциональной, т. е. постоянно использовалась в жизни, во-вторых, миграционные процессы, снижавшие грамотность, не получили широкого распространения.

¹⁰ Миронов Б. Н. Грамотность в России, 145.

¹¹ Аарма Л. Э. Грамотность населения в Эстляндской губернии, 26.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 49. Эстляндская губерния, XI, XIII, 18—23. СПб., 1905.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 21. Лифляндская губерния, IX, XII, 34—45.

Таким образом, данные ретросказания довольно точно отражают динамику грамотности в Прибалтике¹⁴. Они показывают, что Прибалтика по степени грамотности намного превосходила среднероссийские показатели: в конце 18 в. в десять раз, в конце 19 в. в три раза, и являлась самым просвещенным районом России. Среди трех прибалтийских губерний первенствовала Эстляндская, где уже в последней четверти 18 в. две трети населения в возрасте старше 9 лет были грамотными (умели по крайней мере читать), а к концу 1860-х годов была достигнута почти поголовная грамотность. Второе место по уровню грамотности занимала Лифляндская губерния, где в конце 18 в. половина, а в конце 19 в. свыше 90% населения было грамотным. Курляндия в культурном отношении отставала, в конце 18 в. лишь четвертая часть населения владела грамотой, к 1897 г. — 85%. В течение 19 в. различия в грамотности между тремя прибалтийскими губерниями существенно сгладились, к 1897 г. Эстляндская превосходила Курляндскую губернию всего на 10%.

Еще одна любопытная особенность выявляется при сравнении развития грамотности в Прибалтике и других регионах страны. В прибалтийских губерниях женщины не подвергались дискриминации в отношении получения начального образования, как в других местностях России: в Лифляндии и Курляндии женская грамотность почти не уступала мужской, а в Эстляндии женщины по уровню грамотности даже превосходили мужчин. Между тем среднероссийские показатели грамотности у мужчин в 1797 г. были в 1,5 раза, в 1897 г. — в 2,5 раза выше, чем у женщин. Хорошо известно, что роль матерей в воспитании детей намного больше, чем отцов. Можно поэтому предположить, что не в последнюю очередь благодаря женщинам население Прибалтики раньше, чем в других районах России, достигло сначала большой, а затем и всеобщей грамотности.

Подведем итоги. В дореволюционной России прибалтийские народы на столетие обогнали другие народы страны в деле освоения грамоты. Особенно больших успехов достигли эстонцы. В начале 18 в. среди эстонских крестьян по меньшей мере 10% были грамотными¹⁵ — уровень, достигнутый русским, белорусским и украинским крестьянством в середине 19 в.¹⁶ В конце 18 в. грамотность в Эстонии и Латвии составляла 50—70% — подобный уровень в других регионах страны был зафиксирован переписью 1926 г.¹⁷ Сплошной грамотности эстонцы и латыши также добились почти на столетие раньше¹⁸. Достижения на культурном поприще «в этой маленькой, поголовно грамотной стране»¹⁹ служили важной предпосылкой успехов Прибалтики в экономическом развитии, по уровню которого на протяжении 18—20 вв. регион неизменно являлся самым передовым в стране и остается таковым вплоть до сегодняшнего дня.

¹⁴ Данная методика ретросказания может быть использована и для реконструкции грамотности за последнюю четверть 18—19 вв. у отдельных сословных и вероисповедных групп, а также у городского и сельского населения, основываясь на данных, опубликованных в кн.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 49, Эстляндская губерния; 21, Лифляндская губерния; 19, Курляндская губерния.

¹⁵ *Андрезен Л.* Эстонские народные школы, 53.

¹⁶ *Миронов Б. Н.* Грамотность в России, 149.

¹⁷ Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1977, 9—10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., 35, 264.

Представил Ю. Какх

Ленинградское отделение
Института истории СССР
Академии наук СССР

Поступила в редакцию
1/III 1988

KIRJAOSKUSE DÜNAAMIKA BALTIMAADEL 18. SAJANDI TEISEL POOLEL JA 19. SAJANDIL: AJALOOOLISE REKONSTRUEERIMISE KATSE

Käesoleva kirjutise eesmärk on anda ülevaade Eestimaa, Liivimaa ja Kuramaa kubermangu elanike kirjaoskusest aastail 1797—1897, toetudes esimese ülevenemaalise rahvaloenduse (1897) andmetele. Analüüsil on kasutatud autori poolt väljatöötatud meetodikat, mis võimaldab retrospektiivselt taastada varasema situatsiooni vanuserühmade kaupa.

1897. aasta rahvaloenduse andmeil on koostatud regressioonivõrrandid ja tabelid, mis annavad ülevaade eri vanuserühma kuuluvate meeste ja naiste kirjaoskusest (rahvaloendusel oli kriteeriumiks lugemisoskus). Kolme kubermangu kohta on elanike keskmise kirjaoskuse protsent arvatud rahvastiku ühtset struktuurist lähtudes.

Saadud andmeid on võrreldud muudes allikates leiduvatega. 1881. aasta rahvaloenduse kohaselt oli Eestimaa kubermangu mõlemast soost üle neljateistkümnendaastaste elanike kirjaoskus 95%, Liivimaa kubermangus 93%. See vastab täielikult rekonstruktsioonil saadud andmetele. L. Andreseni arvutuste järgi oli Eestimaa kubermangu täiskasvanud elanike kirjaoskus aastail 1775—1786 ligi 70%, retrovaatlus annab 65—67%. A. Salmini analoogiliste arvutuste põhjal oli Liivimaa kubermangu täiskasvanud elanikkonna hulgas 1775. aastal kirjaoskajaid umbes 46%, alaealiste seas (14—16-aastased) 1790.—1800. aastal 53—61%, 18. sajandi lõpul oli Kuramaa kubermangus kirjaoskajaid 30%. Retroanalüüsil olid vastavad andmed 42%, 55—60% ja 27%.

Retrououring andmed näitavad küllaltki täpselt kirjaoskuse arengut Baltimaadel. Selgub, et Baltimaad ületavad tunduvalt Venemaa keskmise (18. sajandi lõpul 10 korda, 19. sajandi lõpul 3 korda) ning on kõige kõrgema haridustasemega piirkond Venemaal. Kolmest Balti kubermangust oli esikohal Eestimaa, kus juba 18. sajandi viimasel veerandil oli 2/3 üle üheksaastastest elanikest kirjaoskajad (oskasid vähemalt lugeda), 1860. aastateks oli kirjaoskus üldine. Teisel kohal oli Liivimaa, kus 18. sajandi lõpul oli pool, 19. sajandi lõpul aga 90% elanikkonnast kirjaoskaja. Kuramaa oli kultuuriliselt maha jäänud: 18. sajandi lõpul oli vaid 1/4 elanikest kirjaoskajad, 1897. aastal oli kirjaoskajaid 85%. 19. sajandil Balti kubermangude haridustase ühtlustus ning 1897. aastal oli Eestimaa Kuramaast ees vaid 10%.

Oktoobrirevolutsioonieelsel Venemaal olid Balti rahvad, eriti eestlased, oma kirjaoskuse poolest teistest rahvastest saja aasta võrra ees. Kõrge kultuuritase oli eduka majandusliku arengu eeldus. Praeguseni on see regioon NSV Liidus kõige eesrindlikum.

NSV Liidu Teaduste Akadeemia
NSV Liidu Ajaloo Instituudi
Leningradi Osakond

Toimetusse saabunud
1. III 1988

Boris MIRONOV

THE DYNAMICS OF LITERACY IN THE BALTIC PROVINCES IN 1797—1897: AN ATTEMPT OF HISTORICAL PREDICTION

In this paper an attempt has been made to reconstruct the literacy of the population of the Estland, Livland and Kurland provinces from 1797 to 1897 based on the data of the first census of the population of the Russian Empire for 1897. The method used reflects a special variant of cohort analysis developed by us projecting literacy in the Russian Empire retrospectively. On the basis of the census of 1897, equations of regression have been found, and tables of literacy by the age groups for men and women in the Estland, Livland and Kurland provinces have been presented. The average literacy of the population in those provinces can be determined by using a unified age census of the population of 1897.

We also verify the accuracy of the results obtained. According to the 1881 census, 95% of the adult population (above the age of 14 years) of Estland and 93% of Livland were literate. This is very close to the reconstructed data. According to the calculations of L. Andresen, in Estland about 70% of the adult population was literate in 1775—1786; our analysis gives 65—67%. The analogous calculations of A. Salmin demonstrate that the adult literacy in Livland was about 46% in 1775, and 30% in Kurland at the end of the 18th century; our analysis gives 42 and 27%, respectively.

The figures obtained by the retrospective analysis reflect accurately the dynamics of the development of literacy in the Baltic region. They show that the level of literacy was greatly higher in those provinces as compared to that in Russia — it was 10 times higher at the end of the 18th century and 3 times higher at the end of the 19th century. It testifies to the fact that this region was the most educated one in the Russian Empire, and Estland in its turn was the most advanced among the three Baltic provinces. In Estland already at the end of the 18th century two-thirds of the population above the age of nine was literate (able to read at least). Full literacy was achieved by the end of the 1860s.

USSR Academy of Sciences,
Institute of the USSR History,
Leningrad Department

Received
March 1, 1988